

УДК 340.1

НАСИЛИЕ В ОБЪЕКТИВНОМ ПРАВЕ КАК СЛЕДСТВИЕ КРИЗИСА ДУХОВНОСТИ КУЛЬТУРЫ ПРАВА И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

В. М. Хомич

Белорусский государственный экономический университет,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Автором показано, что незаметно было упущено из вида, что для формирования социально-правового мира и примирения конфликта различных интересов в политико-организованных обществах без насильственного правоприменения (правового воздействия) важно учитывать влияние культуры на право и правовое сознание. Сегодня обостренно ощущается очевидный кризис взаимодействия права и культуры, деструктивно влияющий на формирование правовых позиций на уровне законодательства и соответствующего правового сознания, их легитимации на индивидуальном и массовом уровнях общественного бытия людей (членов общества).

Ключевые слова: культурологическая составляющая права и правового сознания, культура как способ полагания смысла человеческого бытия и правовых ценностей, культура как ценностно-антропологическая основа формирования адекватного действительного праву законодательства.

Annotation. The author shows that it was imperceptibly overlooked that in order to form a social and legal world and reconcile the conflict of various interests in politically organized societies without violent law enforcement (legal influence), it is important to take into account the influence of culture on law and legal consciousness. Today, the obvious crisis of the interaction between law and culture is acutely felt, which has a destructive effect on the formation of legal positions at the level of legislation and the corresponding legal consciousness, their legitimation at the individual and mass levels of the social existence of people (members of society).

Keywords: the culturological component of law and legal consciousness, culture as a way of assuming the meaning of human existence and legal values, culture as a value-anthropological basis for the formation of legislation adequate to the actual law.

Сегодня представляется архиважным возрождение естественно-социального и культурологического подходов к оценке правового статуса, состояния всех элементов социальной системы (человека, общества, государства) как единственно возможного противовеса тотальной принудительной роботизации человека и научного метода объективно критического переосмысления устоявшихся взглядов на всемогущество силовых (и поэтому далеко не правовых) вариантов решения социальных проблем. При этом следует принять

за основу предположение о том, что любое правонарушающее деяние человека есть проявление не просто общественной безнравственности, но и духовного социального рабства человека, как результат не удовлетворяемой социальной потребности человека в личностном общественном бытии. Отсюда вопрос о том, каково влияние культуры на право и правовое сознание и в чем причина очевидного кризиса взаимодействия права и культуры, является центральным для формирования действительного права на уровне законодательства и соответствующего ему правового сознания, легитимации их на индивидуальном и массовом уровнях общественного бытия людей (членов общества).

В этом контексте позволю точно остановиться на функциональном содержании феномена культуры не более как в приложении к праву, формированию правового сознания и возникающим в связи с этим криминогенным девиациям в праве. Впервые рассуждения о «культуре» как функционально-созидательном явлении в социальном устройстве и бытии человека, его поведении мы встречаем у римского философа Марка Туллия Цицерона. Он был первым, кто употребил это слово в значении обработки и совершенствования души. Это очень важное заключение. Конечно, в истории человечества содержание и система культуры понимались и определялись по-разному: как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеческим обществом, как исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в различных формах организации жизни и деятельности людей. Этим термином обозначались продукты духовной деятельности людей — произведения искусства, литературы, философские сочинения, нравы, верования и т. д. Поэтому культура объективно и функционально воспринимается и как способ полагания смысла человеческого бытия в социуме, и ценностно-антропологическая основа формирования адекватного праву законодательства, что особенно важно в эпоху цифровой трансформации общественных отношений [1, с. 118–122].

Не следует также забывать, что прогрессивное становление культуры права в цивилизационном развитии человечества было не только эволюционным развитием базовых ценностей права (справедливости, человеческого равенства, рационального баланса свободы для всех и каждого), но и эволюцией культурного лицемерия правом. Название «сентиментальный тигр», данное кем-то М. Робеспьеру, есть наилучшая характеристика такого лицемерия культурологическим содержанием права. Да и причина нынешнего деструктивного и небезопасного дисбаланса культуры и права кроется в лицемерном, вольном или невольном злоупотреблении культурой и правом в обработке и совершенствовании человеческих душ (людей) в глобальной коммуникации социальных систем и их общественного и публично-организованного жизнеустройства.

И виновата в этом не культура и право в их исходном содержании и предназначении, а чрезмерная идеологизация и политизация культуры и права политически организованной олигархической властью, вопреки исходному предназначению и культуры, и права в общественном мироустройстве жизни людей. Все это в конечном итоге порождает формирование ложных культур (антикультур) — типа культура политических, экономических и «культурных» элит, ведет к расчленению и открытому противостоянию культур, ориентированных, соответственно, на материальное потребление и на духовное развитие, соответственно, к их расслоению и противоборству [2, с. 39–45]. В такой ситуации неизбежен конфликт социально-культурологических интересов с весьма серьезными криминогенными последствиями, включая преступность ненависти и насилия — агрессию, терроризм и тому подобное, что Л. Н. Гумилев применительно к праву называл «принципом отрицания права на несходство».

Современное искусство (кино, музыка, литература) и средства массовой информации (телевидение, Интернет, печатные издания) вносят немалую долю в разложение духовных начал культуры и естественно-правовых ценностей, формирующих стабильность и безопасность современного правопорядка на национальном и международном уровнях. В современных условиях протекания социокультурных процессов и глобализации коммуникационных потоков всего и вся, в том числе деструктивной трансформации правовых ценностных традиций на фоне катастрофического роста социально-экономического неравенства, постулируется культура «смирительной нищеты» и, как следствие, — враждебности, отчужденности, недоверия к праву как средству защиты справедливости и равенства. Отсюда хаотический выбор естественно-жесточких форм удовлетворения и защиты своего жизненного состояния и пространства, отрицание социальной легитимации объективного права [3, с. 5–19], порождение состояния «коррупционной эрозии» права и правоприменения [4, с. 96–102].

В настоящее время людьми (обществом) дается оценка права, правоприменения, правосудия, правоприменительной деятельности по-иному, нежели ранее. В силу долгого ожидания всеобщего правового благоденствия элементы публично-правового просвещения и воспитания, правовой пропаганды перестают восприниматься на культовом почитании, поскольку реальная социальная практика не подтверждает реальное действие права в системе коммуникации людей, социальных групп, государственных и межгосударственных образований. Времена, когда право и культ его почитания были нераздельны, давно ушло, а современная действительность лишь подтверждает худшие прогнозы этого разделения. В соответствии с коммуникативной методологией понимания права, оно функционально только в коммуникации, в действии,

и только в этом проявляется и воспринимается человеком (гражданами) реальность (действительность) права — есть оно или отсутствует, носит право всеобщий характер или это право для избранных. И вот этот существенный момент в культурной (пока культурной) эволюции права мы уже упустили — произошло изменение культуры понимания права. Право объективируется только в реальном действии, в реальном его использовании в соответствии с его правовым содержанием, а не в застывших нормативах законоположений, которые не востребованы, не применяются вообще либо применяются избирательно. Здесь большое поле реформаторских решений и действий как для пишущих, так и практикующих юристов, чтобы исключить своего рода внутрикультурные противоречия в праве, особенно действие права по принципу самозащиты. При этом следует учитывать, что резервы повышения эффективности права путем введения запретов, обременений, усиления штрафных типов ответственности без должного развития компенсационных типов правового регулирования и соответствующей ответственности исчерпаны. Полагаю, что в правовых системах и в культуре есть понимание в необходимости перехода к такому состоянию культуры права, когда человек «не понимал, как это можно ударить другого человека», антропологически ориентация права и культуры потенциально на это нацелена. Перефразируя известную мысль Ф. Достоевского из рассказа «Сон смешного человека», не хочется верить в то, чтобы зло, бесправие было нормальным состоянием людей как носителей культуры.

Вопрос состоит в том, как прилагать культуру к праву, точнее, какие свойства культуры мы находим (должны постулировать) в праве. Конечно, социально позитивные, жизнеутверждающие. В любой культуре главным является ее духовная составляющая во взаимоотношениях людей, отсутствие варварской агрессии между людьми, народами, нациями, наконец, государственными образованиями. В этом состоит социальное единение культуры и права, юриспруденции, правопонимания, юридической деятельности, предназначение юриста-правоведа. Как культура, так и право — это особый дар, вырабатываемый человечеством для всеобщего блага, его гармонизации в социальном устройстве жизни людей, усмирения пороков варварства, насилия, человеческого неравенства в любом его проявлении. Она же основа позитивно ориентированного правового сознания, социально мотивирующего индивида на правомерное поведение.

Духовность имеет глубокие корни в истории цивилизованного развития человечества. По античной традиции духовность отождествлялась с умом, благородством, достоинством, свободой. Именно духовность придает нравственному облику человека, его поступкам и действиям определенную логику, системность, целесообразность, предсказуемость и в конечном счете — правовую

самодостаточность. В таком понимании единства культуры и права мы видим божественное предназначение правовой деятельности независимо от того, на каком уровне (индивидуальном, системно-корпоративном, государственном или межгосударственном) она осуществляется.

Культура представляет собой систему социально значимых для людей в их совместном сосуществовании транслируемых от поколения к поколению идей, ценностей, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою смиренно свободную и достойную человека жизнедеятельность в политико-организованных обществах и государствах. На эти культурологические ценности должна ориентироваться цивилизационная система права, правообразования, правоприменения и юридической деятельности. Это непростая задача для нынешних устроителей правовых систем и практикующих юристов-правоведов.

Культурно-практический идеал правового сознания и правовой деятельности невозможно сформулировать во всеобъемлющей форме, но основные его элементы вполне очевидны:

развитие духовных потребностей, ориентированных на обеспечение справедливости, равенства, свободы, верховенства действительного права, создание им приоритета в иерархии оценок добра и зла, что должно на нормативном уровне отражаться в правовых позициях основных законов;

исключение элементов, развивающих патологию ненависти и отторжения от права в системах деятельной и информационной правовой коммуникации человека, гражданского общества и политико-организованной власти — культура и право должны способствовать укреплению здоровья нации, препятствовать социальной дезорганизации и деградации права и их носителей на всех уровнях социального применения права.

Соотнося культуру с правом, мы должны рассматривать ее преимущественно в аспекте, который непосредственно связан с регуляцией поведения человека, социальных групп, функционированием власти и развитием общества в целом. При этом на первый план выдвигаются ценностно-нормативное содержание культуры и ее непосредственная интеграция в процесс формирования действительного права и правового сознания всех субъектов социальной деятельности.

Сегодня человечество, имея глубокие познания о природе общественных явлений, вынуждено, однако, признать тот факт, что борьба с преступностью и иными девиациями не привела к нейтрализации в сферах жизнедеятельности человеческого социума (экономической, социальной, политической, духовной) сегментов варварского насилия, агрессивности, вопиющего неравенства. Это не могло не обострить конфликт реального права как духовно-культурного

и социально-ценностного критерия развития человеческой цивилизации с объективным правом (законоположениями), формируемыми политическими элитами. Нечто подобное и деструктивно-разрушающее происходит и в культуре духовности. Будучи по своей природе рационально созидающей, исходящей из интеллектуальной природы человека, а поэтому реализующей нравственный самодостаточный норматив для развития позитивной индивидуальности человека, с одной стороны, а, с другой — социально-психическую основу формирования без конфликтного единения людей и безопасного бытия человеческого общежития, духовные чары культуры стали использоваться в качестве идеологического инструмента в противостоянии правовых систем.

Несмотря на значительные криминологические исследования, направленные на выработку оптимальных решений противодействия социальным девиациям, преступности, в культурном очеловечивании общественного бытия человека, нейтрализующем социально и мотивационно общественно опасные проявления жестокости и зла в ходе противоречивого эволюционного развития человечества, достигнуто не много. На самом деле нет никакого вакуума культурологических и правовых ценностей, их недостатка и непонимания, просто эти ценности перегружены разочарованием и нетерпением ожидания со стороны человеческого большинства. Современную ситуацию в большинстве государств можно оценить как продолжаемое своеобразное тестирование на терпимость к бесконечным обещаниям каждому личного социального благополучия и на способность выживать и самовосстанавливаться после деструктивных социальных потрясений.

1. Толочко О. Н. Развитие правовой культуры и законодательства в эпоху цифровой трансформации общественных отношений [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2022. С. 118–122. [Вернуться к статье](#)

2. Хомич В. М. Конфликт насилия в праве — порождение кризиса духовности культуры права // Уголовные законоположения в изобразительном, ораторском искусстве, драматургии, классической литературе и кино : коллектив. моногр. по материалам XIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти основателя урал. уголовно-правовой шк., заслуж. деятеля науки РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. М. И. Ковалева, Екатеринбург, 10–12 февр. 2016 г. Екатеринбург : Издат. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2016. 156 с. [Вернуться к статье](#)

3. Агамиров К. В. Правовое отчуждение государств — участников Евразийской интеграции от гражданских обществ своих стран в контексте проблемы справедливости // Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель : сб. ст. М. : Юрлитинформ, 2021. С. 5–19. [Вернуться к статье](#)

4. Митин А. Н. Коррупционная эрозия нравственности // Нравственные основы уголовной ответственности : коллектив. моногр. по материалам XIV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуж. деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. М. И. Ковалева, Екатеринбург, 15–18 февр. 2017 г. Екатеринбург : Издат. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. 160 с. [Вернуться к статье](#)